

© 1999 г. А.М. ЛОМОВ, Р. ГУСМАН ТИРАДО

РУССКОЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ПРОБЛЕМА ЕГО СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Хорошо известный факт асимметрии языкового знака, проявляющейся в том, что одна и та же форма передает несколько значений, а одно и то же значение выражается несколькими формами [Karcevskij 1929], как уже замечено, определяет существо лингвистического анализа в целом. Последний оказывается поставленным в жесткие рамки: он может двигаться либо от формы к сигнализируемым ею значениям (формально ориентированный способ координации языковых планов), либо только от значения к репрезентирующим его формам (содержательно ориентированный способ координации языковых планов)¹. Эти способы нельзя прямолинейно расценивать по двухбалльной шкале "хорошо-плохо", так как они, отвечая потребностям разных этапов единого процесса познания языка, исторически и логически предполагают друг друга [Храковский 1985].

На начальном этапе изучения какого-либо билатерального языкового объекта у исследователя нет иного пути, как подчиниться логике формально ориентированного способа, позволяющего воссоздать общую картину изучаемого фрагмента языковой онтологии, элементарная классификация которого осуществляется посредством выделения формальных образцов, обладающих определенным содержательным потенциалом. Но этот способ с точки зрения конечных результатов явно недостаточен, так как он не может скрыть внутреннюю сущность анализируемых явлений и в силу этого оставляет вне поля зрения те переходные случаи, когда внешне похожие феномены относятся – в соответствии с передаваемым ими содержанием – к разным разрядам, а внешне различные, напротив, представляют собой лишь варианты одного разряда.

Именно это обстоятельство и делает необходимым обращение к содержательно ориентированному способу координации языковых планов, который предполагает, что исследователь, основываясь на результатах, полученных в рамках формально ориентированного способа, повторит классификационную обработку эмпирического материала, имеющую на этот раз целью установление типовых содержательных схем, выраженных разными формами, в том числе и формами, используемыми во вторичных значениях.

Приходится, однако, считаться с тем, что перевод научных исследований на рельсы содержательно ориентированного способа, возможный и необходимый лишь тогда, когда формально ориентированный способ, подготовив исходные данные для нового взгляда на привычные вещи, исчерпывает свои эвристические потенции, осуществляется в различных областях языковедения отнюдь не одновременно. Если иметь в виду собственно грамматику, легко можно заметить, что в первую очередь содержательно ориентированный способ получил распространение в рамках морфологии, породив весьма основательную и продуктивную теорию функциональной морфологии

¹ В аналогичных же значениях иногда используются также не вполне корректные, на наш взгляд, термины "семасиологический способ/подход" и "ономасиологический способ/подход".

(наиболее известную у нас в версии А.В. Бондарко), благодаря которой этот раздел грамматики за последние три десятилетия сделал очень мощный рывок вперед. Аналогичный же процесс захватил (правда, несколько позднее) и синтаксис простого предложения, где пристальное внимание к языковому содержанию целиком и полностью определяет существо научного поиска наших дней.

На этом общем "семантизированном" грамматическом фоне та часть синтаксической науки, которая занимается анализом русского сложноподчиненного предложения (как, впрочем, и сложного предложения вообще), оказывается диссонирующим явлением. В течение всего XX века она опиралась в своих изысканиях исключительно на формально ориентированный способ, остававшийся, так сказать, вне конкуренции при всех переориентациях синтаксической теории, которые изменяли лишь направление "тактических ударов", т.е. ставили во главу угла разные элементы плана выражения, анализ которых в то или иное время представлялся наиболее важным для понимания сущности сложноподчиненного предложения. Первую половину столетия учение о сложноподчиненном предложении в русистике развивалось под флагом формального направления, представители которого А.М. Пешковский, М.Н. Петерсон, а позднее Л.А. Булаховский и А.Б. Шапиро видели основную задачу этого учения в полном и детальном описании союзов и союзных средств. Что же касается второй половины этого столетия, она оказалась временем господства концепции Н.С. Поспелова и его сторонников (В.А. Белошапковой, Л.Ю. Максимова, С.Г. Ильенко и др.) – концепции, для которой главным было изучение структурных свойств сложноподчиненного предложения².

В настоящее время воззрения формальной школы стали уже достоянием истории. Постепенно теряет свою эвристическую ценность структурно-семантическая концепция. И тем не менее многие синтаксисты продолжают связывать свои надежды на будущее опять-таки с формально ориентированным способом, свидетельством чего может служить весьма показательная констатация М.И. Черемисиной и Т.А. Колосовой, которые считают, что актуальная перспективная задача синтаксиса сложного предложения состоит в том, чтобы "найти такие признаки организации п л а н а в ы р а ж е н и я (разрядка наша. – А.Л., Р.Г.), которые соотносились бы с какими-то особенностями организации содержательной стороны" [Черемисина, Колосова, 1987: 3].

Совершенно явная несогласованность теории сложного предложения с кардинальными тенденциями, пронизывающими грамматическую науку наших дней, имеет под собой определенные основания.

Как свидетельствует исторический опыт отечественного языкознания, некоторое отставание учения о сложном предложении от учения о простом предложении вполне естественно, так как накопление необходимых знаний в первую очередь осуществляется в результате наблюдений над элементарными объектами, после чего научный анализ, обогащенный этими знаниями, обращается к объектам неэлементарным.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в сфере синтаксиса сложного предложения вообще (не только сложноподчиненного), как это хорошо известно, занято гораздо меньше специалистов, чем в сфере синтаксиса простого предложения, что, понятно, оказывается фактором, сдерживающим темпы разработки соответствующей проблематики.

И, наконец, существен тот факт, что части сложного предложения в процессе исторической адаптации друг к другу, говоря словами Б.М. Гаспарова (сказанными, правда, по другому поводу), "подвергаются всевозможным усечениям, наращиваниям, аналогическим подменам одних компонентов в их составе другими, контаминациям, метатезам... редуцируются до едва намеченных мерцающих намеков" [Гаспаров 1996:

² Вне общей тенденции остаются, на первый взгляд, исследователи, сохранившие приверженность семантической классификации Ф.И. Буслаева, отождествлявшего придаточные с членами предложения (А.Н. Гвоздев, авторы Грамматики-54). Однако их исходные посылки опять-таки покоились на формальных основаниях.

14]. Конечно, такого же рода процессы вполне обычны и в простом предложении, но в сложном они оказываются масштабнее и – самое главное – частотнее. А это неизбежно ведет к тому, что закономерности, действующие в сложном предложении, пестрят множеством исключений, дезориентирующих исследователей.

Но для нас в данном случае важны не причины, обуславливающие возникновение сегодняшней ситуации в учении о сложном предложении, а ее последствия, рассматриваемые с точки зрения характера концептуальных "накоплений" второй половины нынешнего столетия.

Не будем отрицать очевидного: последовательная и бескомпромиссная ориентация на форму как исходный пункт анализа обогатила нашу науку многочисленными тонкими наблюдениями над "материей" сложного предложения. Мы теперь знаем гораздо больше, чем наши предшественники, о системе показателей связи между частями сложного предложения, о принципах соположения этих частей, о закономерностях порядка их следования и т.д.

Но, с другой стороны, без преувеличения можно сказать, что у нас практически не прибиавлось знаний о плане содержания сложного предложения, и мы продолжаем довольствоваться при описании таких ключевых понятий, как сочинение, подчинение и бессоюзие, если несколько перефразировать известное выражение А.М. Пешковского, "полуосознанными или почти неосознанными" представлениями. Эвристическая ценность этих представлений настолько незначительна, что авторы научных работ и учебных пособий для вузов и школ в своих дефинициях разрядов русских сложных предложений об их содержательных свойствах упоминают лишь вскользь и в самой общей форме, предпочитая отсылать читателя к типовым формальным приметам, причем так, будто их содержание – вещь вполне очевидная и не нуждающаяся в комментариях: "Сложносочиненными называются предложения, части которых соединены сочинительными союзами"; "Сложноподчиненными называются предложения, части которых соединяются подчинительными союзами и союзными словами"; "Бессоюзными называются такие сложные предложения, части которых объединяются без посредства союзов, при помощи иных синтаксических средств". (Мы намеренно не даем конкретных ссылок, поскольку такие определения с незначительными вариациями в формулировках можно найти практически в любой работе по синтаксису сложного предложения.)

Неопределенность исходных, основополагающих понятий, сведенных к простому указанию на репрезентирующую их форму, является причиной того, что при описании конкретных видов сложных предложений, где исследователь уже не может ограничиться простым перечислением формирующих их синтаксических средств и вынужден обратиться к их содержательным свойствам, целиком и полностью стираются границы между смыслом (содержанием, выраженным совместно языковыми и неязыковыми средствами) и языковой семантикой (элементами смысла, присвоенными и освоенными языком), о чем свидетельствует совершенно беспорядочное употребление соответствующих терминов в синтаксической литературе. В свою очередь, размытость границ между смыслом и языковой семантикой приводит к парадоксальному, на первый взгляд, но в действительности глубоко закономерному результату: лингвистический анализ, изначально ориентированный на форму, в конечном счете игнорирует эту форму и ее собственно языковое содержание! Вот два ярких (хотя и взятых буквально наугад) примера.

Пример первый. Авторы Грамматики-80 при интерпретации сложноподчиненного предложения с придаточным условия *Если я себе нравлюсь, значит, пел хорошо* констатируют, что "та часть, которая представлена говорящим как умозаключение (вывод, следствие), ф а к т и ч е с к и (разрядка наша. – А.Л. Р.Г.) называет реальную причину того, о чем сообщается в части, оформленной условным союзом", обосновывая свой вывод ссылкой на возможную трансформацию условного предложения в причинное: *Я себе нравлюсь, потому что пел хорошо* [Грамматика... 1980, II: 573]. Подобное рассуждение, конечно же, имеет под собой определенные

интуитивные основания, но из них следуют совсем не те выводы, которые были сделаны. Как давно уже замечено язык способен "фотографировать" один и тот же фрагмент действительности под разными углами зрения, для чего он и располагает наборами формальных образов с разной семантической заданностью. Естественно, эти языковые "фотографии" можно и нужно сопоставлять: такое сопоставление многократно проясняет для лингвиста. Но толковать одну "фотографию" через другую, избрав последнюю в качестве своеобразного эталона – значит заранее отказаться от учета собственно языкового содержания объясняемого феномена (в нашем случае от учета того, что в предложении *Если я себе нравлюсь, значит, мне хорошо* названо условие, реализация которого позволяет сделать определенные выводы, и ничего более!).

Пример второй. Еще А.М. Пешковский, рассматривая предложение *Была невыносимо жаркий июльский день, когда я, медленно передвигая ноги, вместе со своей собакой поднимался вдоль Колотовского оврага*, отметил, что в нем "логически главный факт рассказа выражен придаточным предложением, а побочный (погода) – главным и что союз *когда* здесь является инверсивным, "переворачивающим факты" [Пешковский 1956: 491]. Это наблюдение позднее, в 50-е годы нашего столетия, послужило А.Н. Суровцеву основанием для ввода особого понятия, которое он назвал обратным подчинением [Суровцев 1956]. Обратное подчинение А.Н. Суровцев и его сторонники видят в тех сложноподчиненных предложениях, где соответствующие придаточные "не определяют главное предложение, а сами определяются им, т.е. в них по с м ы с л у (разрядка наша. – А.Л., Р.Г.) главное предложение зависит от придаточного, поясняет его..." [Федоров 1982: 14]. Но это означает, что нашим лингвистическим поводиром и здесь оказывается все тот же смысл, вступающий в противоречие с семантикой грамматических средств, которые однозначно "метят" подчинение в сложном предложении как явление зависимости придаточного от главного.

Число примеров подобного рода при желании легко умножить. Но в этом нет необходимости, так как вывод ясен и без того. Мы буквально обречены на блуждание в потемках, до тех пор пока не будут определены с надлежащей точностью основные, исходные понятия синтаксиса сложного предложения. А это возможно лишь при условии нашего перехода на позиции содержательно ориентированного способа координации языковых планов, т.е. перенесения лингвистических дискуссий в сферу языковой семантики, что, естественно, потребует выработки целой серии гипотез, обладающих разной степенью эвристической мощи, относящихся к разным фрагментам сложного предложения, конкурирующих друг с другом (в силу того, что они будут акцентировать внимание на разных аспектах одной и той же проблемы), но ни в коем случае не игнорирующих форму (разнооформленные семантические объекты, как известно, могут быть и тождественными, и всего лишь изоморфными!).

Предлагаемая читателю статья находится в русле именно этих устремлений и представляет собой попытку содержательной интерпретации русского сложноподчиненного предложения (что, конечно, не исключает возможности распространения отдельных ее констатаций на другие индоевропейские языки). В основе статьи лежит гипотеза, в соответствии с которой различия между подчинением, сочинением и бессоюзным соединением следует искать в используемых ими способах организации информации.

Подчинение предполагает в к л ю ч е н и е информации, передаваемой придаточным, в главное (*Я знал, что ты придешь*) или, наоборот, информации, сообщаемой главным предложением, в придаточное (*Коля опоздал, из-за чего они поссорились*), что и делает механизм сложноподчиненного предложения "неразъемным" (кроме случаев автономного употребления придаточных, например в условиях редукции либо предката оценки: *Если бы дождик пошел!*, либо перформатива со значением требования: *Чтобы завтра принес книги!*).

Сочинение упорядочивает информацию на основе простого с о п о л о ж е н и я двух

и более информационных блоков, интерпретируемых как одноранговые (но не обязательно как равноправные!) феномены (*Море глухо роптало, и волны бились о берег бешено и гневно*), в результате чего части сложного предложения – репрезентанты этих блоков сохраняют способность к автономному употреблению (за исключением тех случаев, когда этому препятствуют технические условия, например, наличие повторяющихся союзов: *Или дождь пойдет, или снег выпадет*).

Различаясь по способам организации информации, подчинение и сочинение в то же время оказываются однородными явлениями, для которых одинаково обязательна вполне определенная и достаточно строгая спецификация указанных способов, находящая соответствующую вербальную поддержку. И в этом своем качестве подчинение и сочинение противопоставляются бессоюзно, у которого (как и у немаркированного члена грамматической привативной оппозиции!) способ информационной организации на самом, так сказать, верхнем (инвариантном) уровне является не х а р а к т е р и з о в а н н ы м (неквалифицированным) и лишь в конкретных (вариантных) условиях осознается либо как аналогичный (но не тождественный!) способам, работающим в рамках подчинения и сочинения (*Слышу: меня зовут; Лето припасает – зима поедает*), либо как отличный от них (*Павел сидел рядом с Наташей; он был красивее всех*). Такого рода инвариантная нехарактеризованность бессоюзия (точнее – свойственного ему способа) обусловлена тем, что необходимые сведения об организации информации в сложном предложении коммуниканты получают здесь не прямым путем (от специальных словесных знаков), а косвенным: "вычитают" их с учетом реальных отношений, существующих между сопоставляемыми ситуациями, различных пресуппозиций, сопутствующих речевому акту, и, наконец, опыта человеческого сознания – опыта, представляющего собой, по словам М. Мамардашвили, сумму "предданных человеческих требований к миру – к тому, каким он может или должен быть, чтобы о нем вообще что-либо можно было сказать или жить в нем" [Мамардашвили 1992: 87]. Правда, в случае неоднозначности вариантного осмысления характера информационной организации того или иного бессоюзного сложного предложения в ткань последнего вводятся всевозможные конкретизаторы, в частности, указательные местоимения и наречия, частицы, устоявшиеся сочетания слов и т.д. Но они, конечно, отнюдь не являются рядоположными с союзами и союзными словами, поскольку не определяют сущности способа организации информации (в связи с чем, например, указательные местоимения и наречия типа *тогда, поэтому, из-за этого* и им подобные могут одинаково использоваться и в сложносочиненном, и в бессоюзном сложном предложении). Вполне понятно, что отсутствие единообразной квалификации отношений в бессоюзном сложном предложении ведет к тому, что степень спаянности частей последнего оказывается неодинаковой. В одних случаях они неспособны к автономному употреблению (*Я верю: ты ее не забудешь*), а в других, наоборот, легко отчленяются друг от друга (*Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела*).

Говоря о способах организации информации, нельзя не считаться с фактом противоречивости терминологии, действующей в рамках учения о сложном предложении. В самом деле, поскольку термины "союзная связь" и "бессоюзная связь" покоятся на формальных основаниях, а термины дифференцирующего характера "подчинение" и "сочинение" отсылают к некоторому содержанию (пусть даже раскрываемому предельно общо – путем указания на соответствующие союзные средства), обнаруживается, что последний член привычной для нас триады "подчинительная связь – сочинительная связь – бессоюзная связь" явно нерядоположен с двумя предыдущими. Ссылка на то, что подчинение и сочинение являются разновидностями союзной связи, в целом противопоставляемой связи бессоюзной, положения не спасает: нерядоположенность не только не преодолевается, но даже усиливается. Сложившаяся ситуация требует такого упорядочения терминологии, при котором исключалось бы смещение разных аспектов одного и того же явления. Можно, например, выделить три

в и д а связи в сложном предложении – подчинительную, сочинительную и нулевую (термин ранее уже предлагался), имея в виду, что они различаются в плане содержания тем, какой с п о с о б организации информации (характеризованный или нехарактеризованный) реализуют, а в плане выражения тем, какой формальный п р и е м связи (союзный или бессоюзный) используют.

Было бы, конечно, очень заманчиво сделать этот терминологический вопрос (за которым скрывается целая серия вопросов теоретического порядка) предметом специального обсуждения. Но это потребовало бы детального рассмотрения сразу всех трех способов организации информации, для чего узкие рамки журнальной публикации просто не оставляют места. Поэтому мы вполне сознательно ограничимся констатацией в о з м о ж н о г о решения указанного вопроса и перейдем к непосредственному описанию включения – способа информационной организации, определяющего существо сложноподчиненного предложения.

Включение, как уже отмечалось, двувариантно: информация придаточного включается в информацию главного (включение-1) или информация главного включается в информацию придаточного (включение-2). Это означает, что придаточное всегда остается в вассальной зависимости от главного, но по разным причинам: либо потому, что оно о б я з а н о восполнить информационную недостаточность главного, либо потому, что оно в ы н у ж д е н о усваивать информацию, передаваемую главным предложением.

При включении-1 главное предложение вбирает в себя информацию придаточного полностью и без остатка: *Я полагал, что он меня не помнит; На ноги старуха натянула одеяло, чтобы не было видно их ужасающей худобы.* Включение-2 в этом плане неоднородно. Оно может опираться и на всю информацию главного: *По утрам на пожелтевшей траве лежал иней, отчего зелень казалась сизой,* и на отдельно взятые ее фрагменты: *Я знаю песни, которые западают в душу не сразу.*

Включение-1 и включение-2 используют принципиально разные средства связи: для первого разрешены только союзы, для второго – только лексические элементы с анафорическим значением, традиционно называемые союзными словами. Никакого компромисса эта закономерность не терпит.

Включение-1 допускает более или менее свободное употребление коррелятов: *бесспорно лишь то, что большинство поэтических слов связано с природой; Когда сойдет вода и откроется пойма, то для скворцов начнется праздник; Так как мы вышли довольно поздно, то пришлось идти до сумерек.* Напротив, при включении-2 корреляты – редкое и несистемное явление. Они возможны главным образом в тех случаях, когда придаточное "осваивает" не всю информацию главного, а лишь отдельно взятый ее фрагмент, в связи с чем их обыкновенно используют в выделительно-уточняющем значении: *Вскоре они добрались до того леса, о котором им говорил проводник; Вода оставалась только в тех местах, где была низинка.*

Включение-1 и включение-2 реализуют разные закономерности, регулирующие порядок расположения частей сложного подчинения. Включение-1 в принципе разрешает постановку придаточной части перед главной, после нее и внутри ее. Для включения-2 характерна по преимуществу постпозиция придаточного. Интерпозитивное положение могут занимать лишь придаточные, содержащие отсылку к фрагменту главного предложения (например, придаточные определительные). Препозиция придаточного включению-2, как правило, противопоказана (из-за анафорического характера связующих элементов).

И, наконец, включение-1 и включение-2 различаются характером постановки вопросов: первое предполагает постановку вопроса от главной части сложноподчиненного предложения, второе – от придаточной части. Ср.: *Катя знала, что он обязательно появится* (Что знала Катя?), с одной стороны, и *Брат промолчал, что совершенно расстроило мать* (Что расстроило мать?), с другой. Правда, эта закономерность, на первый взгляд, остается нереализованной в сложноподчиненных предложениях с

придаточными типа *Мы сразу же заметили мальчика, который сидел у окна; Дом, где мы поселились, стоял на краю деревни; В тот вечер, когда они гуляли по набережной, Николай впервые по-иному взглянул на Катю*. По традиции считается, что к ним должен ставиться вопрос со словом какой (Каков мальчик? Какой дом? В какой вечер?), и это как будто дает основания отнести все рассматриваемые придаточные к разряду определительных. Но подобный подход совершенно игнорирует общую тенденцию, действующую во всех без исключения сложноподчиненных предложениях с анафорическими союзными словами: вопрос в них предполагает выяснение реального содержания именно этого слова. Если же эту тенденцию учесть, корректными следует признать только вопросы: Кто сидел у окна? Где мы поселились? Когда они гуляли по набережной? Будучи совершенно разными по своему характеру, эти вопросы как нельзя красноречивее свидетельствуют о неоправданности попыток свести указанные предложения в один классификационный разряд.

Совершенно очевидно, что сложноподчиненные предложения, основанные на разных вариантах включения и, в силу этого, обладающие принципиально разными свойствами, должны быть терминологически разведены. Мы будем называть придаточные, образованные на основе включения-1, а т о с е м а н т и ч н ы м и (имея в виду их самодостаточность с точки зрения передаваемой информации), а придаточные, базирующиеся на включении-2, с и н с е м а н т и ч н ы м и (поскольку их информация недостаточна без учета информации главного предложения).

Попутно встает и еще один терминологический вопрос, необходимость решения которого можно понять лишь на широком историко-лингвистическом фоне.

Традиционно синсематичные придаточные в сложных предложениях типа *Брат промолчал, что совершенно расстроило мать; По утрам на пожелтевшей траве лежал иней, отчего зелень казалась сизой* трактовались как присоединительные и не отграничивались с достаточной четкостью от придаточных в предложениях типа *Он плохо понимал собеседника, да и неинтересно ему было, о чем тот говорит; Я прислушался: до меня донесся приглушенный крик*. Основание для их сближения усматривалось в том, что все они "объединяются единством функционального употребления в речи (они передают мысль, возникшую после основного высказывания), прерывистым характером связи, которая создается особой интонацией после длительной паузы" [Валгина 1991: 275]. Что же касается различий между ними, считалось, что они определяются исключительно тем, в сфере какой синтаксической связи присоединение реализуется – в сфере подчинения, сочинения или бессоюзия [Грамматика... 1954, II, 2: 257–268, 352–353, 400–402].

В 70-е года такое понимание существа дела для целого ряда исследователей оказалась неприемлемым. Не отказываясь от мысли, что предложения, подобные упомянутым (*Брат промолчал, что совершенно расстроило мать; По утрам на пожелтевшей траве лежал иней, отчего зелень казалась сизой*), являются присоединительными, они вместе с тем подчеркивали специфику последних и акцентировали внимание на том, что эти предложения предполагают употребление в придаточном специального союзного средства, которое "в обобщенном виде как бы вмещает содержание того, о чем говорится в первой части" [Формановская 1978: 25]. Именно в этой связи и появляется термин "сложные предложения с присоединительно-вмещающим значением", который, впрочем, распространялся не только на рассматриваемые подчинительные конструкции, но и на сочинительные (*Сегодня редактор улыбался, и это было хорошим признаком*), и бессоюзные (*Сегодня редактор улыбался – это было хорошим признаком*).

Выход в свет Грамматики-1980 знаменовал собой появление новой трактовки интересующих нас предложений, отразившейся в самом их наименовании: "предложения, в которых относительное слово отсылает к предикативному центру главного предложения". Именно здесь достаточно последовательно проведена мысль, что относительное местоимение не только ориентировано на предикативный центр

главного предложения, но и "является средством его повторного воспроизведения в придаточном" [Грамматика... 1980, II: 527]. И самим этим фактом в имплицитном виде были отвергнуты представления о связи рассматриваемых структур с присоединением.

В этой же работе был поставлен вопрос о классификации названных предложений. Последняя, однако, оказалась предельно общей, поскольку позволяет различать лишь два их типа: распространительно-изъяснительные (с союзным словом *что* в разных падежных и предложно-падежных формах) и распространительно-обстоятельственные (с наречиями *почему, отчего, зачем* и предложно-падежными формами местоимений *из-за чего, вследствие чего, ввиду чего* и т.д.). От дальнейшей дифференциации распространительно-изъяснительных и распространительно-обстоятельственных предложений авторы Грамматики-1980 уклонились, и понятию — почему.

Существующая ныне классификационная практика основывается на учете функции придаточного, в результате чего систематизируются не сложноподчиненные предложения как таковые, а именно придаточные (ср. повсеместно употребляемые термины "предложения с придаточными изъяснительными", "предложения с придаточными места", "предложения с придаточными причины" и т.д.). Но этот классификационный прием приложим только к предложениям с автосемантическим придаточным. Напротив, в сфере предложений с синсемантическим придаточным он не работает. В самом деле, как квалифицировать, например, придаточное в предложении, неоднократно упоминавшемся нами: *По утрам на пожелтевшей траве лежал иней, отчего зелень казалась сизой?* Назвать его причинным у нас нет ровно никаких оснований, поскольку причина выражена в главном, на что недвусмысленно указывает анафорическое союзное слово.

Между тем выход из терминологического тупика, если принять предлагаемое разграничение автосемантических и синсемантических придаточных, достаточно прост. Можно говорить о сложноподчиненных предложениях, выражающих изъяснительные, условные, уступительные и т.д. отношения (или с некоторой долей терминологического упрощения — о сложноподчиненных изъяснительных, условных, уступительных и т.д. предложениях), последовательно оговаривая характер придаточного, т.е. отмечая, является оно автосемантическим или синсемантическим. А это значит, что приведенное выше в иллюстративных целях предложение допустимо квалифицировать как сложноподчиненное причинное с синсемантическим придаточным.

Нетрудно заметить, что терминологические вопросы увели нас в сторону от основной сюжетной линии статьи и в какой-то мере нарушили композиционную стройность последней. Однако этот недостаток с лихвой компенсируется ценным приобретением: указанные вопросы вплотную поставили нас перед необходимостью учета явления автосемантии-синсемантии придаточных при систематизации русских сложноподчиненных предложений. В самом деле, есть все основания подразделить последние на две неравновеликие группы. Первую группу, немногочисленную по объему, образуют предложения, в которых придаточное является только автосемантическим (придаточные качества, меры и степени признака, сравнительные и сопоставительные) или только синсемантическим (придаточное определительное). Ко второй группе отходит подавляющее большинство сложноподчиненных предложений, в которых придаточное может быть и автосемантическим, и синсемантическим, хотя, конечно, отношения этих придаточных не остаются тождественными в сложноподчиненных предложениях разных разрядов. Справедливости ради следует сказать, что многие из относящихся сюда фактов (хотя, конечно, и не все) давно уже отмечены исследователями, в частности, А.К. Федоровым [Федоров 1982]. Однако, поскольку они не могли получить надлежащей интерпретации в рамках концепции обратного подчинения, которую эти исследователи разделяли, нам придется остановиться на них по возможности подробнее.

С максимальной степенью свободы два вида придаточных реализуются в сложноподчиненных причинных предложениях, о чем свидетельствует факт существования большого набора коррелирующих союзов и союзных слов: *потому что* — *почему*,

оттого что – отчего, благодаря тому что – благодаря чему, вследствие того что – вследствие чего, в результате того что – в результате чего, в силу того что – в силу чего, в связи с тем что – в связи с чем и т.д. Причинные предложения с синсемантическими придаточными, вводимыми указанными союзными словами, получили к настоящему времени широкое распространение во всех книжно-письменных стилях русского языка и даже обнаруживают тенденцию к выходу за их пределы. Более того, эти предложения сплошь и рядом оказываются в отношениях обратимости с предложениями, имеющими в своем составе придаточные автосемантические (чему в немалой степени содействует тот факт, что разница между ними обнаруживается уже на уровне союзных средств): *Из-за того что он заболел, ему пришлось пропустить несколько занятий кружка – он заболел, из-за чего ему пришлось пропустить несколько занятий кружка; Вследствие того что прошли сильные дожди, дороги оказались непроезжими – Прошли сильные дожди, вследствие чего дороги оказались непроезжими.* Конечно, определенные сдерживающие факторы здесь дают о себе знать, но они немногочисленны (ср. невозможность обратимости при выражении причинно-аргументирующего значения).

Напротив, в сложноподчиненных предложениях, выражающих условные, уступительные и целевые отношения, картина оказывается прямо противоположной, потому что у них, во-первых, наборы коррелирующих союзов и союзных слов невелики и несистемны (*при том условии что – при условии чего, вопреки тому что – вопреки чему, для того чтобы – для чего*), во-вторых, употребление предложений с синсемантическими придаточными ограничено преимущественно сферой официально-деловой речи, в-третьих, обратимость предложений с придаточными двух видов сплошь и рядом предельно затруднена или даже невозможна, поскольку нередко синсемантические придаточные относятся не ко всему главному предложению, а к его фрагментам. Ср.: *Здесь запланировали построить завод, для чего уже завезены необходимые материалы.*

Сложноподчиненные временные предложения являют собой образец того, насколько сложными могут быть в их составе отношения автосемантического и синсемантического придаточных. Это в значительной степени связано с тем, что указанные придаточные используют по преимуществу (хотя и не исключительно) одни и те же союзные показатели, попеременно меняющие свой статус, т.е. функционирующие то как союз, то как союзное слово. Сравним два предложения: *Когда еще стояла глубокая ночь, мы начали собираться на рыбалку и Еще стояла глубокая ночь, когда мы стали собираться на рыбалку.* Обратимость здесь налицо, но она наталкивается на два жестких ограничения. Во-первых, ситуация синсемантического придаточного, вводимого союзным словом *когда*, должна быть одновременной с ситуацией главного. Для автосемантического придаточного с союзом *когда* это условие необязательно, так как выражаемая им ситуация вполне может предшествовать ситуации главного: *Когда кончился спектакль, они направились за кулисы*, и здесь, понятно, обратимость не допустима. Во-вторых, реализация синсемантического придаточного возможна только в тех случаях, когда ситуация, обозначенная в главном предложении, способна без помощи специального темпорального показателя обеспечить квантование времени: *Было еще светло, когда охотники подъехали к сторожке! = Охотники подъехали к сторожке за светом!; Они уже садились в вагон, когда на перроне показалась Маша! = Маша показалась на перроне во время посадки в вагон!.* Если же ситуация главной части квантование времени обеспечить не в состоянии, придаточное в соответствующем сложноподчиненном предложении может быть только автосемантическим. Ср.: *Нам было очень холодно, когда мы пробирались по зимнему лесу.* Положение в значительной мере осложняется еще и тем, что союзное слово *когда* в составе синсемантического придаточного нередко содержит отсылку не ко всей ситуации главного (как в рассмотренных случаях), а к отдельно взятому компоненту этой ситуации, вы-

раженному существительным или наречием с темпоральной семантикой: *Он хорошо помнит тот день, когда впервые увидел ее; Ночью, когда все спали, слышались осторожные шаги.*

Несколько иной вид имеют интересующие нас отношения в тех случаях, когда в сложноподчиненных предложениях выражается значение временной сопредельности, т.е. констатируется, что одна из ситуаций "наслаивается" на другую или же примыкает к ней без всякого временного разрыва. Формальным маркером этого значения в синсемантическом придаточном является союзное слово *как*, предполагающее обязательное употребление в главной части стандартных "сопроводителей" типа *не успел, не прошло, еще не, недостаточно, стоит, едва, только, лишь, едва лишь, только лишь*, по-разному интерпретирующих значение временной сопредельности: *Крестьянин ахнуть не успел, как на него медведь напал; Не прошло и получаса, как к нам явился Соснин; Только что мы уселись, как поезд тронулся; Стоит ей только показаться, как все тут же бежит к ней.* При необходимости подчеркнуть, что ситуация придаточного реализуется не только быстро, но и неожиданно для ее участников, стандартные сопроводители (*вдруг, в ту же минуту, тут же* и др.) дополнительно могут быть использованы и в придаточной части: *Только что чайник повесили над огнем, как вдруг один камень накалился и лопнул; Мы только принялись за работу, как тут же послышался звонок.* Сложноподчиненные предложения с придаточным автосемантическим в рассматриваемых условиях употребляются очень редко: *Как только гости уедут, мы сразу возьмемся за уборку.*

Наоборот, при выражении значения временной последовательности, не осложненного указанием на тесный временной контакт двух ситуаций, наиболее обычны сложноподчиненные предложения с придаточным автосемантическим. Обратимые построения с придаточным синсемантическим скорее исключение, чем правило. Ср.: *После того как они поссорились, все контакты были прерваны – Они поссорились, после чего все контакты были прерваны.*

Что же касается временного значения предшествования, оно является сферой безраздельного господства сложных предложений с придаточным автосемантическим: *Прежде чем ехать туда, я созвонился с хозяевами; Еще до того как Петр оставил службу, у него начало пошаливать сердце.*

В сложноподчиненных предложениях, выражающих локальные отношения, придаточные обыкновенно носят автосемантический характер – и тогда, когда они реализуются в независимой позиции: *Где некогда все пусто, голо было, теперь молодая роща разрослась, и тогда, когда они относятся к корреляту: Там, где раньше зеленела роща, построили какой-то завод.* Синсемантические придаточные возможны лишь при условии, что союзные слова *где, куда, откуда* содержат отсылку к компоненту главной ситуации, выраженному существительным или наречием с локальной семантикой: *Поселок, где он жил, был маленький и неухоженный; Всю ночь наверху, где лежала пшеница, пищали мыши..*

И, наконец, автосемантическими и синсемантическими могут быть придаточные в сложноподчиненных изъяснительных предложениях. В качестве формального показателя связи у них используется слово *что* (в разных падежных и предложно-падежных формах), попеременно функционирующее то как союз, то как союзное слово и в силу этого обеспечивающее обратимость соответствующих предложений. Ср.: *Он был необыкновенно рад тому, что мы откликнулись на его призыв – Мы откликнулись на его призыв, чему он был необыкновенно рад; Нас позабавило, что он ничего не слышал об этом громком процессе – Он ничего не слышал об этом громком процессе, что нас позабавило.* Правда, обратимость здесь явление крайне нерегулярное, сдерживаемое целым рядом сопутствующих факторов. И даже более того, в случае употребления изъяснительных союзов *чтобы, как, будто*, не имеющих соответствий в союзных словах, синсемантическое придаточное становится вообще невозможным.

Заканчивая рассмотрение проблемы содержательной интерпретации сложно-подчиненного предложения в плане того, как она видится с позиций предлагаемого подхода, особо надо отметить, что этот подход позволяет попутно уточнить лингвистический статус отдельных синтаксических построений, издавна являющихся предметом научных дискуссий.

Так, полемизируя с А.Н. Василенко, который вывел все предложения с относительно-вопросительным местоимением за пределы подчинения [Василенко 1965], В.А. Белошапкова предложила более взвешенное решение проблемы. По ее мнению, между относительными и вопросительными местоимениями существует значительная разница. Первые выполняют две функции: являются членами придаточного предложения и в то же время – в силу своего анафорического характера – служат показателями связи между главной и придаточной частями. Вторые, напротив, лишены анафоричности и поэтому не выражают отношений между частями сложного предложения. Отсюда следовал вывод: предложения типа *Я не знаю, куда он пошел; Ему известно, почему это было сделано*, в составе которых местоимения являются вопросительными (лучше бы сказать: косвенно-вопросительными), следует считать бессоюзными [Белошапкова 1967: 81–82]. Этот вывод с точки зрения нашего подхода представляется вполне корректным, так как такого рода предложения не имеют никакого отношения ни к включению-1, ни к включению-2.

Есть, далее, все основания учесть и поправку В.Н. Мигирова, который, говоря о традиционно выделяемом сложноподчиненном предложении с придаточным следствия, вводимым союзом *так что*, подчеркнул: "Придаточное следствие не поясняет главного предложения, наоборот, главное поясняет придаточное..." [Мигиринов 1952: 12]. Наше понимание подчинения позволяет утверждать, что предложения рассматриваемого типа организованы по способу включения-2 и являются сложноподчиненными *п р и ч и н н ы м и* с придаточным синсемантическим. Здесь вопрос, как заметил в свое время А.К. Федоров [Федоров 1982: 17], может быть поставлен только к придаточному предложению, и связующий элемент *так что* выступает в роли союзного слова, которое последовательно коррелирует с причинным союзом *так как*. Ср.: *Так как мы опоздали к автобусу, нам пришлось ехать электричкой – Мы опоздали к автобусу, так что нам пришлось ехать электричкой*.

Кроме этих интерпретационных уточнений, очевидно, потребуются и какие-то другие уточнения, которые могут существенным образом изменить облик ныне принятых классификаций сложноподчиненного предложения. Но это дело будущее. От будущего же, вероятно, можно ожидать, что оно даст нам обстоятельные (не скороспело-умозрительные!) ответы на целый ряд вопросов, автоматически возникающих в связи с обсуждаемой проблематикой: Чем оправдывается существование в русском языке параллельных образований с автосемантическими и синсемантическими придаточными? Почему на одних участках системы сложноподчиненного предложения конструкции с синсемантическими придаточными не только возможны, но и активны, тогда как на других участках их вообще нет? Как действуют (и действуют ли) принципы автосемантической и синсемантической организации придаточных в других языках (прежде всего в языках, не связанных генетическим родством с русским)? и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белошапкова В.А. 1967 – Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
Валгина Н.С. 1991 – Синтаксис современного русского языка. М., 1991.
Василенко И.А. 1965 – К вопросу о союзных и бессоюзных предложениях в русском языке // Проблемы современной филологии. М., 1965.
Гаспаров Б.М. 1996 – Язык, память, образ. М., 1996.
Грамматика... 1954 – Грамматика русского языка. Т. II. Ч. 2. М., 1954.
Грамматика... 1980 – Русская грамматика. Т. II. М., 1980.
Мамардашвили М. 1992 – Как я понимаю философию. М., 1992.

- Мизурин В.Н. 1952 – Относительные придаточные предложения // РЯШ, 1952. № 6.
- Пешковский А.М. 1956 – Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Суrowцев А.Н. 1956 – К вопросу об "относительных" придаточных предложениях // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. XV: Факультет языка и литературы. Вып. 4. 1956.
- Федоров А.К. 1982 – Спорные вопросы теории сложноподчиненного предложения. Курск, 1982.
- Формановская Н.И. 1978 – Стилистика сложного предложения. М., 1978.
- Храковский В.С. 1985 – Типы грамматических отношений и некоторые особенности функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
- Черемисина М.И., Колосова Т.А. 1987 – Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
- Karcevskij S. 1929 – Du dualisme asymétrique du signe linguistique // TCLP. V. 1, 1929.